

**«Стих умилителен» и его фольклорные
версии: книжная силлабика
в народной культуре***

Александр Петров

Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия

***Stikh Umilitelen* and Its Folk Versions:
A Syllabic-Accentual Interpretation
of Literary Syllabic Verse****

Alexander Petrov

Institute of Linguistics, Literature, and History
of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia

This paper examines a folklore interpretation of literary culture at the verse level. The author studies the structural transformation of syllabic text in a culture in which the syllabic-accentual system of versification has become standard. This is what makes the study innovative, as, traditionally, comparative studies focus on images and motifs. The goal of the research is to identify the prerequisites, directions, and mechanisms of the folklorisation of literary verse. It refers to several editions of a syllabic poem dating back to the seventeenth and eighteenth centuries and folk versions of this text that existed in the Russian north, known as *Stikh Umilitelen* (*About Death*,

* Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках госзадания. Приношу искренние слова признательности коллегам, чья профессиональная помощь способствовала ее подготовке: А. В. Пигину, В. П. Кузнецовой, И. И. Муллонен, Д. В. Кузьмину. Выражаю благодарность рецензентам за конструктивные вопросы и замечания.

** *Citation*: Petrov, A. (2021). *Stikh Umilitelen* and Its Folk Versions: A Syllabic-Accentual Interpretation of Literary Syllabic Verse. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 4. P. 1440–1457. DOI 10.15826/qr.2021.4.648.

Цитирование: Petrov A. *Stikh Umilitelen* and Its Folk Versions: A Syllabic-Accentual Interpretation of Literary Syllabic Verse // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 4. P. 1440–1457. DOI 10.15826/qr.2021.4.648 / Петров А. «Стих умилителен» и его фольклорные версии: книжная силлабика в народной культуре // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 4. С. 1440–1457. DOI 10.15826/qr.2021.4.648.

On Life Ending, etc.). The author uses audio recordings of folk texts made during expeditions, which makes it possible to get a more accurate idea of the norms of folk accentuation. The analysis is carried out at a multidisciplinary level, involving literary studies, folk studies, and linguistics. The author carries out a comparative description of the literary and folk texts. He also provides a metrical analysis based on methods and approaches suggested by M. L. Gasparov and T. V. Skulacheva and uses the rules and techniques of the study of folk verse developed by J. Bailey. Additionally, the article describes the basic structural features of the literary syllabic poem, identifies the main parameters of the transformation of syllabic verse into syllabic-accentual verse, and discusses the techniques and possible structural prerequisites of folklorisation in both the literary and folk traditions.

Keywords: syllabic verse, syllabic-accentual verse, cultural adaptation, folklore, verse study, folk verse

Исследуется проблема фольклорной интерпретации книжной культуры на стиховом уровне. Изучается структурная трансформация силлабического текста в среде, для которой нормативной и привычной стала силлабо-тоническая система стихосложения. В этом заключена новизна предлагаемого исследования, поскольку традиционно объектами сопоставительного изучения являются образы и мотивы. Ставится цель установить предпосылки, направления и механизмы фольклоризации книжного стиха. Источники – списки силлабического произведения, восходящего к литературным традициям XVII–XVIII вв., известного как «Стих умилителен» («О смерти», «О пресечении жизни» и т. д.), и фольклорные версии этого текста, бытовавшие на Русском Севере. В работе используются экспедиционные аудиозаписи фольклорных вариантов, что позволяет получить более точное представление о нормах фольклорной акцентуации. Анализ текстов ведется на стыке литературоведения, фольклористики, лингвистики. Осуществляется компаративное описание книжного списка и фольклорных вариантов, проводится метрический стиховедческий анализ с опорой на школу М. Л. Гаспарова и Т. В. Скулачевой, учитываются принципы и приемы исследования фольклорного стиха, разработанные Дж. Бейли. Описываются основные структурные признаки книжного силлабического стиха. Дан стиховедческий анализ метрики фольклорного духовного стиха, восходящего к книжному источнику. Выявляются и регистрируются основные параметры силлабо-тонизации оригинала. Описываются приемы и механизмы силлабо-тонизации и структурные предпосылки процесса фольклоризации в книжной и фольклорной традиции.

Ключевые слова: силлабический стих, силлабо-тонический стих, культурная адаптация, фольклор, стиховедение, фольклорный стих

Проблема фольклорной интерпретации книжной культуры особенно актуальна в тех случаях, когда речь ведется о жанрах, балансирующих на стыке традиций. К их числу относится русский *духовный стих*: здесь христианские образы часто осмысляются в фольклорных категориях, фольклорные же образы, напротив, предстают в свете христианских доктрин. Проблемы фольклоризации в связи с этим материалом уже ставились в ряде исследований. Классический труд В. П. Адриановой-Перетц [Адрианова] дополнен современными исследованиями [см., например: Соболева; Кузнецова, 2010; Кузнецова, 2019]. Обычно процесс фольклоризации изучается на уровне *образа* или *мотива*, но в поэтике текста не менее значим стиховой уровень, поскольку он во многом определяет стилистику, историко-культурную идентичность, семантический ореол произведения. Не менее интересен и противоположный процесс – освоение духовных стихов литературной традицией [Топорков; Орлицкий].

Объектами исследования являются малоизученный силлабический «Стих умилителен» и его фольклорные версии, бытовавшие на Русском Севере вплоть до второй половины XX в. Основным материалом – рукописный текст книжного стиха из Карельского собрания Древлехранилища им. В. И. Малышева ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) [Древлехранилище (Карельское собр.). № 511. Л. 34–35], а также опубликованные варианты [Духовные стихи; Духовные стихи в рукописных сборниках; «Кому повем печаль мою»; Новожилова, Пигин]. Для сопоставлений привлечены опубликованные фольклорные варианты [Духовные стихи Русского Севера] и аудиоматериалы Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН.

«С[т]ихъ оумилителень»: история, тематика, структура

В Карельском собрании Древлехранилища им. В. И. Малышева ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) хранится рукопись под названием «С[т]ихъ оумилителень» [Кузнецова, 2013, с. 16; Древлехранилище (Карельское собр.). № 511. Л. 34–35]¹. Текст обнаружен в составе рукописного сборника духовных стихов, датированного концом XIX в.²

Приведем полный текст этого списка, общее количество строк примем за 30 (строка «аминь; коне'ць» здесь и далее не будет учитываться при подсчетах); ударения приводятся по рукописи³:

¹ Всего в Древлехранилище имеется семь списков в составе следующих собраний: 1) Гуслицкое, № 30; 2) Заволоко, № 10; 3) Карельское, № 511; 4–5) Латгальское, № 22 и 261; 6) Мезенское, № 43; 7) Северодвинское, № 828. Благодарю А. В. Пигина за эти сведения.

² Археографическая экспедиция сектора древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) и группы по изучению древнерусской литературы ИМЛИ [Гребенюк, Рождественская, с. 321] (с. Сумпосад Беломорского р-на Карелии, июль, 1969).

³ Благодарю В. П. Кузнецову за предоставленную возможность ознакомиться с фотокопией этого списка и осуществить компьютерный набор текста. Сам стих опубликован в [Духовные стихи Русского Севера, с. 221–222], однако нам необходим именно его рукописный вид.

1 Сѡ'коль на'шемь насем свѣ'тъ житие` плаче'вно,
 Ко'ль ско'ро и'коль крѣ'тко а'ки ѡ'дно дне'вно;
 Роди'мса мы` насвѣ'тъ на'ги ѡ'блиты` слеза'ми;
 Ростемь мы` вблезнех и'скорбех, ѡ'б'баты` печал'ми;
 5 Да что е'ще посемь послѣ'дуеть а'хъ стра'шно сказа'ти;
 Какъ прїидеть гро'зныи ча'с куды` на'мъ бѣ'жа'ти;
 Смер'ть неме'длено лиши'тъ насъ здѣ'шнаго свѣ'та;
 Сѡ'тметь все прекра'сныа завныи лѣ'та;
 Сѡ'хъ ко'ль е'сть ѡ'твѣ'шна, смер'ть немилосе'рда;
 10 Стра'ха она небои'тса, как адама'нтъ тве'рда;
 Даме'ць ѡ'стръ и'деть, и'копие безопа'сно;
 И'сосружим воиновъ, рветь к себѣ` оу'жа'сно;
 Дерзновено и'кырѣ'скимъ, тронамъ приступа'еть;
 Си'льную вла'сть соски'петрь, во'гробъ поверга'еть;
 15 Сколко бы'ло на'семь свѣ'тъ, му'дрыхъ патриа'рховъ;
 Высо'каго житїа стѣ'хъ испарховъ;
 Ко'ль мно'гїа накафедрах, ри'тори гремѣ'ли;
 И'сла'вныа филосо'фы, в первенства'хъ сидѣ'ли;
 Македо'нскии Алеѣ'здръ, оужа'сень бы'ль вмѣ'ру;
 20 Многи ца'рства покорилисѣ', персьи'тскому ки'ру;
 Бѣ'лымъ свѣ'том завладѣ'ла, авгу'ста держа'ва;
 Прони'кнула въ миръ петра, росиискаго сла'ва;
 И'всехъ славныхъ тѣхъ црѣй сме'рть не боа'лась;
 Неза'пно какъ темна но'щь под жизнь их подкраща'ласѣ',
 25 Ненадѣ'йтесь богачи', нато' что` бога'ты;
 Незапру'тъ ѡ'тсме'рти ва'сь, каменыа до'мы;
 Ненадѣ'тесъ вы` си'лнїи, натщету'ю си'лу;
 Потѣ'сни'тъ въ'сь нагласме'рть, в-те'мную моги'лу;
 Сѡ'хъ навсѣ'х на'съ сме'рть прихо'дитъ, вси мы` оумира'емъ;
 30 Токмо' та' ѡ'трада', что` вѣ'чную ра'дость чаемъ.
 аминь; коне'ць.

«С[т]ихъ оумилителенъ» был распространен среди старообрядцев, бытовал в разных уголках Русского Севера, Сибири, Нижегородской области и т. д.

Стихотворение восходит к средневековым европейским сказаниям о споре жизни и смерти, например, к такому памятнику, как «Двоесловие живота и смерти, сиречь стязание животу с смертью» [Дмитриева, с. 578]. Известный фольклорный духовный стих «Аника-воин» также создан на основе этой литературной традиции. В этих произведениях «проводилась мысль о равенстве всех перед смертью, которая не пощадит никого» [Повести о споре жизни и смерти, с. 16]. Существуют другие произведения, близкие по содержанию, стилистике, стихотворному строю, топике, например, опубликованные

«Вирши о смерти» [Голубев]. Приведем отрывок: «На всех ты престрый меч свой обнажила, / и тем сильных света сего положила. / Богатых и славных навеки побрала / и под ноги свои равно потоптала» [Голубев, с. 83] и т. д.

Обнаружить сведения об авторе «Стиха» не удалось; это вообще непростая проблема для исследователей творчества старообрядцев [Петрова].

Опорой для «Стиха» могли послужить ранние образцы северной силлабики (первая четверть XVIII в.), например, вирши поморского писателя Семена Денисова: «О коль есть кратко многоплачевного жития нашего время, / толь налагающее на ны претяское и несносное бремя. / О тако скоролетящая дний наших лета, / тако быстро приводящая ны от настоящего света» [Понырко, с. 280]. Нельзя исключить и влияния стихотворения Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» (1779). Отдельные мотивы могли быть заимствованы из трагедии А. П. Сумарокова «Хорев» (1747).

«С[т]ихъ оумилителень» зафиксирован под разными названиями: «О смертном скончании», «Стих о пресечении жизни» [Новожилова, Пигин, с. 172; Духовные стихи, с. 341–342], «Стих о короткой жизни человеческой» [Духовные стихи, с. 340–341], «Песнь Киевокалекская» [Памятники, с. 424; Новожилова, Пигин, с. 162–164]. Он может фигурировать под инципитом «О, коль наше на сем свете житие плачевно» [Духовные стихи в рукописных сборниках, с. 220] или «Коль наше на сем свете житие плачевно...» [«Кому повем печаль мою», с. 160]. Сведения о нескольких вариантах (под названием «О смерти») с указанием мест хранения были приведены В. Н. Перетцом [Перетц, т. 1, с. 408–409]. Имеются и другие указания на места хранения списков [Панченко Ф. В., 2001, с. 386; Воронцова, с. 112, 113, 115, 148, 172, 178; Мурашова].

Возможная, хотя и не вполне достоверная датировка протографа содержится в Дегуцком летописце: это 1776 г. (7284 г. от сотворения мира) [Новожилова, Пигин, с. 172].

Текст из Карельского собрания переписан в маленькую книжечку без видимой соизмеримости стиховых отрезков. Строка не всегда умещается на развороте листа, нередко переносы, обрывы, и поэтому стиховую форму приходится восстанавливать на основании прочих признаков, совпадающих одновременно. Перечислим эти признаки: *парная рифма*; *прописные буквы* как сигналы начала новой строки; *пунктуационный рисунок текста* (гипотетический конец стихотворной строки маркирован таким «сильным» знаком, как точка с запятой).

В реконструированном виде текст обнаруживает свою исконную форму: это силлабический стих, восходящий к традициям виршевой поэзии XVII–XVIII вв. Как известно, размеры и ритмические вариации силлабического стиха отличались разнообразием: это и 8-сложник, и 11-сложник, и 13-сложник; также 6-, 7-, 9-, 10-сложник и др. [Гаспаров, 1984, с. 30–31]. Силлабическая струк-

тура «Умилительного стиха» неоднородна, количественная оценка представлена в табл. 1⁴.

Таблица 1

Силлабическая структура стиха

Кол-во слогов	Пример	Кол-во строк	%
12	Ѡ'хъ ко'ль е'сть ѡтва'шна, сме'рть немилосе'рда	2	6,7 %
13	Дерзновено и'къцрѣкимь, тронамъ приступа'еть	13	43,3 %
14	Стра'ха она небоитса, как адама'нтъ тве'рда	12	40 %
15	Ростемь мы' вболезнех и'скорбех, ѡ'бъаты' печалми	2	6,7 %
16	Да что е'ще посемь послѣ'дуеть а'хъ стра'шно сказа'ти	1	3,3 %
<i>Всего</i>		30	100 %

Таким образом, перед нами 13(14)-сложник (общее количество таких строк – 83,3 %), содержащий незначительное количество 12-, 15- и 16-сложных строк. Все строки делятся цезурой на полустишия. Вторые полустишия по силлабическому составу более устойчивы. Они включают шесть слогов и практически (за редкими исключениями) не подвержены количественному варьированию. Поэтому силлабическая структура стиха может быть представлена точнее, с указанием места цезуры в строке (табл. 2). Количество строк с послецезурным полустишием, содержащим шесть слогов, составляет 80 %.

Таблица 2

Полустишия и цезуры

Структура	Примеры	Кол-во строк	%
7 + 5	И'всехъ славныхъ тѣхъ црѣй / сме'рть не бол'ласть	2	6,7 %
7 + 6 ⁵	Какъ прїидеть гро'зныи ча'с / куды' на'мъ бѣ'жа'ти	11	36,7 %

⁴ Графемы, обозначающие редуцированные гласные, не учитывались нами при подсчете слогов, поскольку в XVIII–XIX вв. сохранялись в рукописных памятниках только по традиции. М. Л. Гаспаров отмечает наличие на Руси так называемой «хомонии» (от произношения *согрѣшихомо* и *беззаконовахомо*) – специфической манеры произнесения конечных редуцированных как слоговых, однако такие попытки воспринимались как «искусственно-архаические» и распространения не получили [Гаспаров, 1989, с. 195–196].

⁵ К этому типу мы отнесли и строку № 22: «Прони'кнула въ мирь петра, росиискаго сла'ва». Прилагательное «росиискаго» интерпретировано как 4-сложное: «росийскаго».

Окончание табл. 2

Структура	Примеры	Кол-во строк	%
7 + 7	Токмо` та` ѡтрада`, что` / вѣ`чную ра`дость чаемъ	2	6,7 %
8 + 5	Ѡтметь все прекра`сныа / завныи лѣ`та	1	3,3 %
8 + 6	Сколко бы`ло на`семь свѣ`тъ, / му`dryхъ патриа`рховъ	10	33,3 %
9 + 6	И`согэружим воиновъ, / рветъ к себѣ` оужа`сно	2	6,7 %
10 + 6	Да что е`ще посемь послѣ`дуетъ / а`хъ стра`шно сказа`ти	1	3,3 %
13	Даме`ць ѡ`стръ и`деть, и`копие безопа`сно	1	3,3 %
<i>Всего</i>		30	100 %

Приведенные данные показывают, что произведение эклектически соединяет разные традиции русской силлабической поэзии. С одной стороны, «С[т]ихъ оумилителенъ» обнаруживает признаки 13-сложника вида 7 + 6 с цезурой после седьмого слога и женской клаузулой [Гаспаров, 1997]. С другой стороны, значительная часть строк создана по схеме 14-сложника вида 8 + 6 с цезурой после восьмого слога и женской клаузулой. Из правила женской клаузулы нет исключений; типология цезуры разнообразнее. Типология цезур в строках с 7-сложным предцезурным полустипением имеет следующий вид (табл. 3).

Таблица 3

Цезуры в строках с 7-сложным предцезурным полустипением

Структура	Мужская	Женская
7 + 5	2 (И`всехъ славныхъ тѣхъ црѣй)	–
7 + 6	8 (Македо`нский Алеза`дръ)	3 (Дерзновено и`кьцрѣскимъ)
7 + 7	2 (Неза`пно какъ темна но`щъ)	–

Типология цезур в строках с 8-сложным предцезурным полустипением представлена ниже (табл. 4).

Таблица 4

Цезуры в строках с 8-сложным предцезурным полустипием

Структура	Женская	Дактилическая
8 + 5	–	1 (сѣтѣмь все прекра'сныя)
8 + 6	9 (Ко'ль мно'га на кафедряхъ)	1 (Ненадѣ'тєсь вы' сѣ'лнїи)

Установление типов клаузулы и цезуры облегчается тем обстоятельством, что в рукописи расставлены ударения. Проблема чтения силлабических стихов до сих пор не имеет удовлетворительного решения [Берков; Панченко А. М., 1973, с. 209–235; Холшевников, с. 33]. В нашем же случае текст при помощи традиционных диакритических знаков достаточно полно размечен самим переписчиком. В том случае, если знак ударения все же отсутствует, мы сверялись со словарем [Зализняк], но такие случаи единичны.

Если 13-сложник (7 + 6) был заимствован русским стихосложением «из польского, польским – из средневекового латинского (“вагантский стих”)» [Гаспаров, 1997, с. 133]⁶, то 14-сложник (8 + 6) принято возводить к традиции украинских *коломыек*: «Чиста птица, голубица, таков нрав имеет: / Буде место где нечисто, тамо не почиет» [Гаспаров, 1984, с. 31]. Отметим, что один из списков не случайно носит название «Песнь Киевокалекская»: в основе метрики этого текста лежит глубинная ориентация на украинский силлабический стих. Украина, как известно, «сыграла роль посредницы» в «усвоении системы польской версификации» [Панченко А. М., 1973, с. 223].

«С[т]ихъ оумилителєнь» представляет позднейший этап бытования силлабики на Русском Севере с множеством деструктивных явлений, с разрушением равносложности, с частичной потерей цезурированного ритма.

Фольклорный «Плачевный стих»: принципы и приемы силлабо-тонизации

Старообрядческие вирши бытовали не только в книжно-письменной форме. Ранее исследователями были отмечены факты проникновения подобных произведений в фольклор с выделением в особую ветвь религиозного творчества [Панченко А. М., 1964, с. 273; Федотов, с. 13].

⁶ Проблема заимствования силлабической системы стихосложения полемически обсуждается историком А. П. Богдановым в [Богданов, с. 33–74]. Исследователь считает, что «польский стих был *примером* перехода от классических языков к национальным, а вовсе не *образцом* для Полоцкого, не говоря уже о Медведеве и Истомине (курсив мой – А. П.)» [Богданов, с. 71–72].

В Научном архиве КарНЦ РАН и в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН хранятся три фольклорных варианта старообрядческого «Стиха умилительного» под названием «Плачевный стих» (вариант «Плачевой»)⁷. Если рукописные версии стиха бытовали среди старообрядцев во множестве списков, то об указанных фольклорных вариантах этого сказать нельзя. Вероятно, стих мог выйти за пределы старообрядческой среды⁸.

Прослушивание аудиозаписей показывает, что исполнители «модернизируют» этот стих и скандируют его по силлабо-тоническому типу в форме хорей с равномерным чередованием четырехстопных и трехстопных строк. Приведем фрагмент разметки одного из имеющихся вариантов [Духовные стихи Русского Севера, с. 34–35] (табл. 5)⁹.

Таблица 5

Разметка фрагмента «Плачевного стиха»

Текст	Метрическая схема	Анакруза, междукитовые интервалы, клаузула
1 И сколь náше ná сем свéте	–У–'У–'У–'У	2.11.1 (Х4ж)
Житиé плачéвно,	–У–'У–'У	2.1.1 (Х3ж)
И сколь скóро и сколь крáтко	–У–'У–У–'У	2.3.1 (Х4ж)
Áки одноднёвно.	–'У–У–'У	0.3.1 (Х3ж)
Рóдимся мы ná свет náги,	–'У–У–'У–'У	0.31.1 (Х4ж)
Облиты слезáми.	–'У–У–'У	0.3.1 (Х3ж)
Рóстем в скóрбях и в болéзне,	–'У–'У–У–'У	0.13.1 (Х4ж)
Слúчаев печáле.	–'У–У–'У	0.3.1 (Х3ж)
Нáм что бúдет, кúда пóйдем,	–'У–'У–'У–'У	0.111.1 (Х4ж)
10 Не зnáем мы сáми.	–У–'У–'У	1.2.1 (Х3ж) ¹⁰
А и впредь что послéдует,	УУ–'УУ–'УУ	2.2.2 (Ан2д)

⁷ Тексты опубликованы в [Духовные стихи Русского Севера, с. 616]; паспортные сведения о них указаны в примечаниях к сборнику. Варианты были записаны в XX в. в 1958 г. (собиратель Л. Лукина), в 1961 г. (собиратели Д. М. Балашов и Н. Петрова) и в 1962 г. (собиратель С. Н. Азбелев). Место записи – с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. Имеется и четвертый вариант – стих «О смерти», включенный в сборник [Духовные стихи Русского Севера, с. 130–131] под № 73. Однако этот текст, по всей видимости, был переписан собирателем из рукописного источника; нас же в первую очередь интересуют фольклорные варианты.

⁸ Для двух вариантов (1961 и 1962 гг., № 3 и № 10 в сборнике соответственно) имеются аудиозаписи: собирателям удалось зафиксировать начальные фрагменты текстов на магнитофонную пленку. Образцы нотных расшифровок обоих фрагментов приведены в [Духовные стихи Русского Севера, с. 757–759].

⁹ Исполнитель – Евдокия Дмитриевна Конёва (1898 г. р.).

¹⁰ Переакцентуация на первой стопе.

Окончание табл. 5

Текст	Метрическая схема	Анакруза, междуиктовые интервалы, клаузула
То́ страшно́ сказа́ти.	- ' U - ' U - ' U	0.11.1 (X3ж)
На́с и сме́рть о́стрым серпо́м	- ' U - ' U - ' U - ' U	0.102.0 (X4м) ¹¹
Име́ет пожа́ти.	- U - ' U - ' U	1.2.1 (X3ж) ¹²
И когда́ ли, в ко́е вре́мя,	- U - ' U - ' U - ' U	2.11.1 (X4ж)
То́ нам неизве́стно.	- ' U - U - ' U	0.3.1 (X3ж)
При́дет но́чью, а́ки та́ть,	- ' U - ' U - ' U - ' U	0.111.0 (X4м)
Во́зьмет на́с нече́стно.	- ' U - ' U - ' U	0.11.1 (X3ж)

Принципы разметки основаны на правилах для силлабо-тонических метров [Скулачева, с. 50]. Однако необходимо учесть, что этот текст не просто читается, а исполняется на мелодию. Это влечет за собой некоторое количество явлений музыкального порядка: на границах строк появляются дополнительные гласные («Придет ночью, аки тать-и»), внутри строк и словоформ – звуки неопределенной фонологической природы, которые расширяют силлабический состав строки («одынодневно», «нам что будет-ы»), и т. п. Роль напева в «выравнивании» строк текста отмечена и на материале книжных силлабических виршей [Панченко Ф. В., 2013, с. 218]. Подобные явления тщательно регистрируются музыковедами и теоретически должны быть учтены при анализе фольклорного стиха, поскольку ведут к трансформации метра и размера. Но на современном этапе развития стиховедения методика исследования таких текстов, к сожалению, не представлена. Поэтому, как правило, лингвистический и музыкальный аспекты бытования фольклорного произведения рассматриваются по отдельности. Смягчить острое противоречие в методике, возникающее из-за двуединой (словесно-музыкальной) природы песенного фольклора, в какой-то мере помогает введение в стиховедческий обиход оппозиции *метрический инвариант – конкретное исполнение* (по аналогии с *языком и речью*). Такой подход был предложен А. А. Баниным и поддержан Дж. Бейли [Бейли, 2001а, с. 32–34]. Суть заключается в повышении уровня абстракции конкретного песенного текста путем последовательного элиминирования признаков, привнесенных напевом (распевов, повторов, вокалических вставок, поддерживающих мелодический рисунок, и т. д.). Полученный текст «может быть назван чистым текстовым аналогом протяжной реализации» [Там же, с. 34]. В данном случае чистый текстовый аналог исполнения представлен в разметке (см. табл. 5). Он передает ритмику звучащего текста в качестве, достаточном для стиховедческого анализа. Информация о звуковых вставках

¹¹ Переакцентуация на третьей стопе.

¹² Переакцентуация на первой стопе.

и распевах представлена в нотной расшифровке [Духовные стихи Русского Севера, с. 758–759], которая дает возможность сопоставить тексты вербальный и нотный. В процессе выделения чистого текстового аналога исключаются повторяющиеся строки. В «Плачевном стихе» дублетные строки имеются; в разметку они не включены, однако простая верификация доступна каждому, кто ознакомится с опубликованным текстом [Там же, с. 34–37].

Уложить текст в хореическую схему исполнителю удастся при помощи *трансакцентуации* – переноса ударения на ненормативное место в словоформе. Например: «роди́мса» – *ро́димся*; «стра́шно сказа́ти» – *страшно́́ сказа́ти*; «как адама́нтъ» – *как ада́мант*; «оужа́ сень бы́ль вмѣру» – *у́жасен был миру* и т. д. Отмечены в фольклорном варианте и словоформы *ку́да*, *по́йдем*, *во́зьмет* и др.

Такие переносы в языке фольклора носят массовый характер [Бейли, 2001а, с. 36–44]. В нашем случае «фольклорная» акцентуация подержана и диалектной основой речи исполнителя. Напомним, что стих записан в с. Варзуга Терского р-на Мурманской обл., то есть в северном регионе. В с. Варзуга было большое карельское поселение выходцев из Беломорской Карелии XIX в.¹³ В русских говорах Карелии известно такое явление, как перенос ударения на первый слог под влиянием прибалтийско-финских языков: *до́мой*, *го́ворит*, *по́шли* и т. п. [Гринкова, с. 379]. Вероятно, эта диалектная черта была привнесена в северные районы переселенцами из Карелии. «Особая выделенность первого слога» отмечается и современными исследователями говоров Терского берега, например: *у́ моря*, *у́ нас-то* [Post, p. 22].

В строках 10, 13, 14 зафиксирована переакцентуация (акцентные перебои в метре): *не зна́ем мы сами, о́стрым серпом, име́ет пожа́ти*. По-видимому, это своеобразный «атавизм», доставшийся фольклорному стиху «в наследство» от силлабического оригинала. Впрочем, в нашем распоряжении имеется аудиозапись варианта стиха – № 10 в сборнике [Духовные стихи Русского Севера, с. 44–45]. Исполнитель этого варианта Михаил Савинович Заборщикова (также из с. Варзуга, 1930 г. р.) подтягивает все ударения под хореический ритм: «А что бу́дет, ку́да по́йдем, / не́ знае́м мы са́ми», «На́с и сме́рть о́стры́м серпо́м / и́меет пожа́ти» и т. д. Аудиофрагмент содержит только первые десять строк, остальное восстанавливается гипотетически; однако и эти десять строк дают достаточно полное представление о его манере пения (нотная расшифровка в [Духовные стихи Русского Севера, с. 757–758]¹⁴).

Проблема передачи силлабического текста средствами силлабо-тоники существует не только в фольклоре, но и в литературе. В частности, при помощи хорея с начальным перебоем в русских поэтических переводах передается звучание украинского силла-

¹³ Благодарю И. И. Муллонен за историко-лингвистическую справку.

¹⁴ В нотной расшифровке ударение в слове «острым» стоит на первом слоге. Наше восприятие ударности в этом случае расходится с восприятием музыковедов.

бического коломыйкового стиха, например: «Ветер буйный, ветер буйный! / *Услышь* мое горе! / Отнеси ты мою душу / *За синее море*» [Корчагин, с. 26]. Отличие от фольклора заключается в том, что в литературе переакцентуация бережно сохраняется, она формирует неповторимый стилистический облик стихотворения. В фольклоре же исполнители, по-видимому, могут прямолинейно «ломать» ударения, чтобы уложить стих в нужную схему.

Хореизация силлабического стиха может быть обусловлена и его природной ритмической структурой. Так, говоря о силлабическом 13-сложнике Кантемира, В. М. Жирмунский заметил: «...хореическая каденция встречается чаще других и была, как известно, положена Третьяковским в основу последующей реформы русского силлабического стихосложения с введением в него принципа распределения ударений по стопам» [Жирмунский, с. 69; см. также: Перетц, т. 3, с. 16–34; Шенгели, с. 92; Тимофеев, с. 64; Тарановский, с. 61]. Не случайно современные исследователи иногда определяют русский силлабический стих последней трети XVII – начала XVIII в. как стих *силлабо-ритмический* [Богданов, с. 69–70].

Для проверки силлабо-тонических тенденций в силлабическом тексте мы протестировали полустушия книжного «Умилительного стиха» на совпадение с метрическими схемами силлабо-тоники. Тестированию подверглись только 13- и 14-сложные строки (7 + 6 и 8 + 6 соответственно). Предцезурные полустушия в силлабических стихах обоих типов чаще совпадают с четырехстопным хореом: «Какъ прїидеть гро'зныи ча'с»; «Сколко бы'ло на'семь свѣ'тѣ» и т. д. Послецезурные – с трехстопным: «Во'гробъ поверга'еть»; «Ри'тори гремѣ'ли» и т. д. Наконец, важно отметить и наличие встречной «хореической волны» в народной культуре [Бейли, 2001b; Гаспаров, 1989, с. 214].

Хореические ритмы в духовных стихах чувствовал и один из первых исследователей этого жанра А. И. Кирпичников. Анализируя духовный стих «Иосиф Прекрасный» в свете проблемы его литературных источников, А. И. Кирпичников привел и наблюдения над стихотворным метром: «Сравнивая рукописные редакции с устными, мы видим, что в первой господствующий размер – ямб, конечно, не строго выдержанный, а в стихах калик господствующий темп хореический» [Кирпичников, с. 140]. Это наблюдение требует тщательной проверки на основе книжных и фольклорных источников и с помощью современных методов стиховедческого описания.

* * *

Таким образом, освоение книжного силлабического «Умилительного стиха» народной культурой шло по пути утрирования хореического ритма. Основным механизмом творческой переработки стала *трансакцентуация* – перенос ударения в словоформе

на нестандартное место. Накладываясь на жесткую хореическую схему, текст подвергался коренному акцентному перестроению. Литературное произведение, восходящее к польско-украинским традициям XVII–XVIII вв., русифицировалось, и к XX в. в живом исполнении фольклорного духовного стиха уже мало что напоминало о структуре текста-источника.

Для хореизации книжного текста имелись определенные предпосылки. Это, во-первых, сама структура силлабических 13- и 14-сложников, полустипхи которых обнаруживали вкрапления схем, совпадающих с силлабо-тоническими метрами (преимущественно с хореем; «хореические каденции», по В. М. Жирмунскому). Во-вторых, это хореическая основа русского песенного фольклора (что объясняет подсобный выбор исполнителями именно этой метрической модели). В-третьих, в условиях бытования фольклора в северных районах дополнительной опорой для хореизации стали диалектные особенности речи носителей традиции: перенос ударения на первый слог под влиянием фонетической системы прибалтийско-финских языков.

Все это, по-видимому, свидетельствует о том, что в самой фольклорной среде подспудно, независимо от реформы Третьяковского – Ломоносова, зарождались и воплощались в жизнь те же тенденции, которые в XVIII в. легли в основу первых опытов преодоления силлабической системы стихосложения.

Существует и альтернативный путь развития силлабики в фольклоре – это ее «расшатывание» до тоники: ряд духовных стихов о царевице Иоасафе демонстрирует такую возможность [Петров]. Какая тенденция является преобладающей, покажут только дальнейшие исследования на материале всех известных сюжетов духовных стихов, имеющих силлабические, силлабо-тонические и тонические версии.

Список литературы

Адрианова В. П. Житие Алексия человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг. : Тип. Я. Башмаков и К^о, 1917. 518 с.

Бейли Дж. Метрический инвариант // Бейли Дж. Избранные статьи по русскому народному стиху. М. : Языки рус. культуры, 2001а. С. 27–78.

Бейли Дж. «Да, Вирджиния, хорей есть в былинах» // Бейли Дж. Избранные статьи по русскому народному стиху. М. : Языки рус. культуры, 2001б. С. 386–398.

Берков П. Н. К спорам о принципах чтения силлабических стихов XVII – начала XVIII в. // Теория стиха. Л. : Наука, 1968. С. 294–316.

Богданов А. П. Стих торжества : Рождение русской оды : последняя четверть XVII – начало XVIII века. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2012. 676 с.

Воронцова Е. В. Современное бытование духовных стихов в среде старообрядцев (по материалам полевых исследований на Вятке) : дис. ... канд. филос. наук. М. : [Б. и.], 2015. 184 с.

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М. : Наука, 1984. 320 с.

Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М. : Наука, 1989. 304 с.

Гаспаров М. Л. Русский силлабический тринадцатисложник // Гаспаров М. Л. Избр. тр. : в 3 т. М. : Языки рус. культуры, 1997. Т. 3. О стихе. С. 132–157.

Голубев И. Ф. Вирши о смерти и пьянстве // ТОДРЛ. М. ; Л. : Наука, 1965. Т. 21. С. 80–88.

Гребенюк В. П., Рождественская М. В. Отчет об археографической экспедиции на поморский берег Белого моря в июле 1969 г. // ТОДРЛ. Л. : Наука, 1971. Т. 26. С. 316–321.

Гринкова Н. П. К изучению олонечских диалектов // А. А. Шахматов. 1864–1920 : сб. ст. и материалов. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1947. С. 365–390.

Дмитриева Р. П. Повесть о споре жизни и смерти (комментарий) // Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 2000. Т. 10. XVI век. С. 578–579.

Древлехранилище им. В. И. Малышева ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Карельское собр. № 511. Л. 34–35. «Стих умилителен».

Духовные стихи. Канты : (Сборник духовных стихов Нижегородской области) / сост., вступ. ст., подг. текстов, исслед. и коммент. Е. А. Бучилиной. М. : Наследие, 1999. 416 с.

Духовные стихи в рукописных сборниках старообрядцев филипповского согласия (по материалам кемеровского территориального собрания ГПНТБ СО РАН) / сост., вступ. ст., коммент. и описание рукописей Т. Г. Казанцевой ; науч. ред. А. Ю. Бородихин. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2014. 363 с.

Духовные стихи Русского Севера / сост. В. П. Кузнецова. Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2015. 800 с.

Жирмунский В. М. Теория стиха. Л. : Сов. писатель, 1975. 664 с.

Зализняк А. А. Древнерусское ударение : Общие сведения и словарь. М. : Языки славян. культуры, 2014. 728 с.

Кирпичников А. И. Источники некоторых духовных стихов // Журн. М-ва народного просвещения. 1877. Окт. С. 133–150.

«Кому повем печаль мою»: Духовные стихи Верхокамья : Исследования и публикации / отв. ред. И. В. Поздеева. М. : Данилов ставропигиальный мужской монастырь, 2007. 330 с.

Корчагин К. М. Начальные переакцентуации (перебой) в русских двусложных размерах (типология и история) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2015. Т. 74. № 1. С. 19–29.

Кузнецова В. П. Старообрядческие стиховники Пертозерского Поморского скита (по материалам Карельского собрания Древлехранилища ИРЛИ РАН) // Традиционная культура. 2013. № 3. С. 10–20.

Кузнецова В. С. Вавилонская башня и смешение языков: библейский сюжет в русской сибирской записи // Сиб. филол. журн. 2019. № 2. С. 9–17. DOI 10.17223/18137083/67/1.

Кузнецова В. С. Устное бытование библейской легенды об Иосифе Прекрасном: фольклоризация сюжета // Сиб. филол. журн. 2010. № 4. С. 5–10.

Мурашова Н. С. Старообрядческий духовный стих в контексте исторической эволюции внебогослужебного духовного пения. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2019. 371 с.

Новожилова С. В., Пигин А. В. Книжные коллекции Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2020. 176 с.

Орлицкий Ю. Б. Русский духовный стих как один из источников национального литературного свободного стиха // Язык и поэтика русского фольклора : К 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 114–117.

Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / сост., отв. ред. и авт. предисл. А. В. Пигин. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. 608 с.

Панченко А. М. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворчества // ТОДРЛ. М. ; Л. : Наука, 1964. Т. 20. С. 256–273.

Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л. : Наука, 1973. 280 с.

Панченко Ф. В. Певческие книги Выголексинского письма. XVIII – первая половина XIX в. СПб. : Петерб. востоковедение, 2001. 496 с.

Панченко Ф. В. О выговских стихах виршевого склада с напевами // Святые и святыни Обонежья : материалы всерос. науч. конф. «Водлозерские чтения – 2013». Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 215–224.

- Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы : в 3 т. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1900–1902. Т. 1. 425 с. Т. 3. 426 с.
- Петров А. Духовные стихи о царевиче Иоасафе: состав сюжетов и метрические модели // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 88–131. DOI 10.31250/1815-8870-2021-17-49-88-131.
- Петрова Л. А. Стихотворство позднего Выга // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск : Наука, 1992. С. 113–120.
- Повести о споре жизни и смерти / исслед. и подг. текстов Р. П. Дмитриевой. М. ; Л. : Наука, 1964. 214 с.
- Поньрко Н. В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Л. : Наука, 1974. Т. 29. С. 274–290.
- Скулачева Т. В. Методы определения метра в неклассическом стихе // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т. 71. 2012. № 2. С. 45–54.
- Соболева Л. С. Устная и рукописная традиции апокрифического сюжета «Сон Богородицы» // Фольклор Урала : Устная и рукописная традиции. Вып. 11. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 209–246.
- Тарановский К. Ф. Русские двусложные размеры : Статьи о стихе. М. : Языки славян. культуры, 2010. 552 с.
- Тимофеев Л. И. Силлабический стих // Ars Poetica. II. Стих и проза. М. : ГАХН, 1928. С. 37–71.
- Топорков А. Л. Духовные стихи в русской литературе первой трети XX века // Рус. лит. 2015. № 1. С. 5–29.
- Федотов Г. П. Стихи духовные : Русская народная вера по духовным стихам. М. : Гнозис, 1991. 192 с.
- Хошевников В. Е. Русская и польская силлабика и силлабо-тоника // Теория стиха. Л. : Наука, 1968. С. 24–58.
- Шенгели Г. А. Трактат о русском стихе : Органическая метрика. М. ; Петроград : Гос. изд-во, 1923. 184 с.
- Post M. Просодия говоров Терского берега Белого моря: предварительные наблюдения // Poljarny Vestnik : Norwegian J. of Slavic Studies. 2001. No. 4. P. 15–32. DOI 10.7557/6.1406.

References

- Adrianova, V. P. (1917). *Zhitie Aleksiya cheloveka Bozhiya v drevnei russkoi literature i narodnoi slovesnosti* [Life of Alexey, Man of God in Ancient Russian Literature and Folklore]. Petrograd, Tipografiya Ya. Bashmakov i Co. 518 p.
- Bailey, J. (2001a). *Metricheskii invariant* [Metrical Invariant]. In Bailey, J. *Izbrannye stat'i po russkomu narodnomu stikhu*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 27–78.
- Bailey, J. (2001b). “Da, Virginia, khorei est' v bylinakh” [“Yes, Virginia, there are Trochees in Bylinas”]. In Bailey, J. *Izbrannye stat'i po russkomu narodnomu stikhu*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 386–398.
- Berkov, P. N. (1968) К спорам о printsiпах chteniya sillabicheskikh stikhov XVII – nachala XVIII v. [On Disputes on the Principles of Reading the Syllabic Verses of the 17th–Early 18th Centuries]. In *Teoriya stikha*. Leningrad, Nauka, pp. 294–316.
- Bogdanov, A. P. (2012). *Stikh torzhestva. Rozhdenie russkoi ody. Poslednyaya chetvert' XVII – nachalo XVIII veka* [A Verse of Triumph: The Birth of the Russian Ode, the Last Quarter of the 17th – Early 18th Centuries]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 676 p.
- Buchilina, E. A. (Ed.). (1999). *Dukhovnye stikhi. Kanty. (Sbornik dukhovnykh stikhov Nizhegorodskoi oblasti)* [Spiritual Verses. Chants. (A Collection of Spiritual Poems of Nizhny Novgorod Region)]. Moscow, Nasledie. 416 p.
- Dmitrieva, R. P. (2000). *Povest' o spore zhizni i smerti (kommentarii)* [The Story about the Dispute of Life and Death (Commentary)]. In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t.* St Petersburg, Nauka. Vol. 10. XVI vek, pp. 578–579.

Dmitrieva, R. P. (Ed.). (1964). *Povesti o spore zhizni i smerti* [Stories about the Dispute of Life and Death]. Moscow, Leningrad, Nauka. 214 p.

Drevlekhranilishche imeni V. I. Malysheva IRLI RAN (Pushkinskii Dom) [The V. I. Malyshev Depository of Antiquities of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House)]. Karel'skoe sobranie. No. 511, 1. 34–35. “Stikh umilitel’n”.

Fedotov, G. P. (1991). *Stikhi dukhovnye. Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham* [Spiritual Verses: Russian Folk Belief in Spiritual Poetry]. Moscow, Gnozis. 192 p.

Gasparov, M. L. (1984). *Ocherk istorii russkogo stikha: metrika, ritmika, rifma, strofika* [An Essay on the History of Russian Verse: Metrics, Rhythm, Rhyme, Stanza]. Moscow, Nauka. 320 p.

Gasparov, M. L. (1989). *Ocherk istorii evropeiskogo stikha* [An Essay on the History of European Verse]. Moscow, Nauka. 304 p.

Gasparov, M. L. (1997). Russkii sillabicheskii trinadtsatislozhnik [The Russian Syllabic Metre with 13 Syllables per Line]. In Gasparov, M. L. *Izbrannye trudy v 3 t.* Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. Vol. 3. O stikhe, pp. 132–157.

Golubev, I. F. (1965). Virshi o smerti i p'yanstve [Verses about Death and Drunkenness]. In *TODRL*. Moscow, Leningrad, Nauka. Vol. 21, pp. 80–88.

Grebenyuk, V. P., Rozhdestvenskaya, M. V. (1971). Otchet ob arkhograficheskoi ekspeditsii na pomorskii bereg Belogo morya v iyule 1969 g. [Report on the Archaeographic Expedition to the Pomor Shore of the White Sea in July 1969]. In *TODRL*. Leningrad, Nauka. Vol. 26, pp. 316–321.

Grinkova, N. P. (1947). K izucheniyu olonetskikh dialektov [On the Study of Olonets Dialects]. In A. A. *Shakhmatov. 1864–1920. Sbornik statei i materialov*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 365–390.

Kazantseva, T. G., Borodikhin, A. Yu. (Eds.). (2014). *Dukhovnye stikhi v rukopisnykh sbornikakh starobryadsev filippovskogo soglasiya (po materialam kemerovskogo territorial'nogo sobraniya GPNTB SO RAN)* [Spiritual Verses in the Handwritten Collections of Filippovtsy Old Believers (Based on the Materials of the Collections of the State Public Scientific and Technical Library of the Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Kemerovo Region)]. Novosibirsk, Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tekhnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya RAN. 363 p.

Kholshevnikov, V. E. (1968). Russkaya i pol'skaya sillabika i sillabo-tonika [The Russian and Polish Syllabic Verse and Syllabic-Accentual Verse]. In *Teoriya stikha*. Leningrad, Nauka, pp. 24–58.

Kirpichnikov, A. I. (1877). Istochniki nekotorykh dukhovnykh stikhov [Sources of Some Spiritual Verses]. In *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. October, pp. 133–150.

Korchagin, K. M. (2015). Nachal'nye pereaktsentuatsii (pereboi) v russkikh dvuslozhnykh razmerakh (tipologiya i istoriya) [Initial Reaccentuations in Russian Disyllabic Metres (Typology and History)]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 74. No. 1, pp. 19–29.

Kuznetsova, V. P. (2013). Starobryadcheskie stikhovniki Pertozerskogo Pomorskogo skita (po materialam Karel'skogo sobraniya Drevlekhranilishcha IRLI RAN) [Collections of the Poetry of the Old Believers in the Pomor Skete of Pertozero (Based on the Materials of the Karelian Collection of the Repository of Ancient Manuscripts of the Institute of Russian Literature, the Russian Academy of Sciences)]. In *Traditsionnaya kul'tura*. No. 3, pp. 10–20.

Kuznetsova, V. P. (Ed.). (2015). *Dukhovnye stikhi Russkogo Severa* [Spiritual Verses of the Russian North]. Petrozavodsk, Karel'skii nauchnyi tsentr RAN. 800 p.

Kuznetsova, V. S. (2010). Ustnoe bytovanie bibleiskoi legendy ob Iosife Prekrasnom: fol'klorizatsiya syuzheta [The Oral Existence of the Biblical Legend of Joseph the Beautiful: Folklorisation of the Plot]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 4, pp. 5–10.

Kuznetsova, V. S. (2019). Vavilonskaya bashnya i smeshenie yazykov: bibleiskii syuzhet v russkoi sibirskoi zapisi [The Tower of Babel and the Confusion of Languages: A Biblical Story in a Russian Siberian Text]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 9–17. DOI 10.17223/18137083/67/1.

Murashova, N. S. (2019). *Staroobryadcheskii dukhovnyi stikh v kontekste istoricheskoi evolyutsii vnebogosluzhebnoho dukhovnogo peniya* [Old Believer Spiritual Verse in the Context of the Historical Evolution of Non-Liturgical Spiritual Singing]. Novosibirsk, Izdate'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 371 p.

Novozhilova, S. V., Pigin, A. V. (2020). *Knizhnye kolleksii Nauchnoi biblioteki Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Book Collections of the Scientific Library of Petrozavodsk State University]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 176 p.

Orlitskii, Yu. B. (2015). Russkii dukhovnyi stikh kak odin iz istochnikov natsional'nogo literaturnogo svobodnogo stikha [Russian Spiritual Verse as One of the Sources of National Literary Free Verse]. In *Yazyk i poetika russkogo fol'klora. K 120-letiyu so dnya rozhdeniya V. Ya. Proppa*. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 114–117.

Panchenko, A. M. (1964). Perspektivy issledovaniya istorii drevnerusskogo stikhotvorchestva [Prospects for the Study of the History of Old Russian Poetry]. In *TODRL*. Moscow, Leningrad, Nauka. Vol. 20, pp. 256–273.

Panchenko, A. M. (1973). *Russkaya stikhotvornaya kul'tura XVII veka* [Russian Poetic Culture of the 17th Century]. Leningrad, Nauka. 280 p.

Panchenko, F. V. (2001). *Pevcheskie knigi Vygoleksinskogo pis'ma. XVIII – pervaya polovina XIX v.* [Songbooks in Vygoleksinsky Writing. 18th – First Half of 19th Centuries]. St Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. 496 p.

Panchenko, F. V. (2013). O vygovskikh stikhakh virshevogo sklada s napevami [On Vyg Syllabic Verses with Melodies]. In *Svyatyie i svyatyni Obonezh'ya. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii "Vodlozerskie chteniya – 2013"*. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 215–224.

Peretts, V. N. (1900). *Istoriko-literaturnye issledovaniya i materialy v 3 t.* [Historical and Literary Studies and Materials. 3 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya F. Vaisberga i P. Gershunina. Vol. 1. 425 p. Vol. 3. 426 p.

Petrov, A. (2021). Dukhovnye stikhi o tsareviche Ioasafe: sostav syuzhetov i metri-cheskie modeli [Spiritual Verses about Tsarevich Joasaph: Plots and Metrical Models]. In *Antropologicheskii forum*. No. 49, pp. 88–131. DOI 10.31250/1815-8870-2021-17-49-88-131.

Petrova, L. A. (1992). Stikhotvorstvo pozdnego Vyga [Versification in Late Vyg]. In *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poselenii v stranakh Evropy, Azii i Ameriki*. Novosibirsk, Nauka, pp. 113–120.

Pigin, A. V. (Ed.). (2010). *Pamyatniki knizhnoi stariny Russkogo Severa: kolleksii rukopisei XV–XX vekov v gosudarstvennykh khranilishchakh Respubliki Kareliya* [Relics of Old Russian Book History: Collections of the Manuscripts of the 15th–20th Centuries in the State Depositories of the Republic of Karelia]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 608 p.

Ponyrko, N. V. (1974). Vygovskoe sillabicheskoe stikhotvorstvo [The Syllabic Versification of Vyg]. In *TODRL*. Leningrad, Nauka. Vol. 29, pp. 274–290.

Post, M. (2001). Prosodiya govorov Terskogo berega Belogo morya: predvaritel'nye nablyudeniya [Prosodic Aspects of the Dialects of the Ter Coast of the White Sea: Preliminary Results]. In *Poljarnyj Vestnik. Norwegian J. of Slavic Studies*. No. 4, pp. 15–32. DOI 10.7557/6.1406.

Pozdeeva, I. V. (Ed.). (2007). "Komu povem pechal' moyu". *Dukhovnye stikhi Verkhokam'ya. Issledovaniya i publikatsii* ["Who Do I Tell about My Sadness", Spiritual Verses of Verkhokamy Region. Studies and Publications]. Moscow, Danilov stavropigial'nyi muzhskoi monastyr'. 330 p.

Shengeli, G. A. (1923). *Traktat o russkom stikhe. Organicheskaya metrika* [A Treatise on Russian Verse. Organic Metrics]. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 184 p.

Skulacheva, T. V. (2012). Metody opredeleniya metra v neklassicheskom stikhe [Methods for the Identification of Metre in Non-Classical Verse]. In *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka*. Vol. 71. No. 2, pp. 45–54.

Soboleva, L. S. (2000). Ustnaya i rukopisnaya traditsii apokrificheskogo syuzheta “Son Bogoroditsy” [Oral and Handwritten Traditions of the Apocryphal Plot *The Virgin’s Dream*]. In *Fol’klor Urala. Ustnaya i rukopisnaya traditsii*. Iss. 11. Yekaterinburg, Izdatel’stvo Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 209–246.

Taranovskii, K. F. (2010). *Russkie dvuslozhnye razmery. Stat’i o stikhe* [Russian Two-Syllable Metres. Articles about Verse]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul’tury. 552 p.

Timofeev, L. I. (1928). Sillabicheskii stikh [Syllabic Verse]. In *Ars Poetica. II. Stikh i proza*. Moscow, Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk, pp. 37–71.

Toporkov, A. L. (2015). Dukhovnye stikhi v russkoi literature pervoi treti XX veka [Spiritual Verses in the Russian Literature of the First Third of the 20th Century]. In *Russkaya literatura*. No. 1, pp. 5–29.

Vorontsova, E. V. (2015). *Sovremennoe bytovanie dukhovnykh stikhov v srede staroobryadtsev (po materialam polevykh issledovaniĭ na Vyatke)* [The Modern Existence of Spiritual Verses among the Old Believers (Based on the Materials of Expeditions to Vyatka)]. Dis. ... kand. filos. nauk. Moscow, S. n. 184 p.

Zaliznyak, A. A. (2014). *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniya i slovar’* [The Old Russian Accent: General Information and Dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul’tury. 728 p.

Zhirmunskii, V. M. (1975). *Teoriya stikha* [A Theory of Verse]. Leningrad, Sovetskii pisatel’. 664 p.

The article was submitted on 06.05.2020